

УДК 908(470+571.642):622.276

© М. С. Высоков, Е. Н. Лисицына, 2011

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САХАЛИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х–НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в.

Высоков М. С. – д-р ист. наук, проф. кафедры «Российская история», тел. (4242) 42-57-90, e-mail: vysokov2000@yandex.ru; *Лисицына Е. Н.* – канд. ист. наук, проф. кафедры «Российская история», тел. (4242) 76-33-54, e-mail: lisitsina1997@yandex.ru (СахГУ)

Статья посвящена проблеме использования труда японских военнопленных и советских заключенных на объектах нефтяной промышленности Сахалина в послевоенные годы: приводятся данные о численности этих категорий работников, указаны объекты нефтяной промышленности, на которых использовался труд военнопленных и заключенных, сделан анализ условий труда и быта, а также результатов работы по расширению добычи нефти на острове.

The article is devoted to the problem of use of labour of the Japanese prisoners of war and the Soviet prisoners on objects of petroleum industry on Sakhalin-island in the post-war years. The authors present the data on the number of these categories of workers, specify the objects of petroleum industry where labour of prisoners of war and prisoners was used, analyze the working and living conditions and the results of work on oil recovery expansion on the island.

Ключевые слова: Сахалин, японские военнопленные, репатриация, советские заключенные, лагерные пункты, объекты нефтяной промышленности, строительство.

История нефтяной промышленности Сахалина уже давно привлекает пристальное внимание различных российских специалистов: историков, экономистов, социологов, журналистов [1]. Среди тех, кто целенаправленно занимался изучением этой проблемы, следует отметить таких российских исследователей, как В. Я. Аболтин [2], Н. А. Гедройц [3], И. Ф. Панфилов [4, 5, 6], В. Н. Косторниченко [7, 8, 9], Н. В. Марьясова [10, 11], Ю. Н. Жуков [12], А. А. Иголкин [13, 14, 15, 16], С. С. Хромов [17], В. И. Ремизовский [18, 19, 20, 21, 22], И. П. Сорокина [23], Г. А. Шалкус [24, 25, 26, 27, 28], М. С. Высоков [29, 30] и другие. Названными авторами (и не только ими) были введены в научный оборот многочисленные материалы, рассказывающие

о том, как, начиная с рубежа 70–80-х гг. XIX в., шло освоение нефтяных месторождений Сахалина.

Однако, несмотря на то, что в 90-е гг. XX в. исследователями Е. Н. Чернолуцкой и И. Д. Бацаевым применительно к Дальневосточному региону в научный оборот было введено такое понятие, как «спецколонизация» [31, 32, 33], ни один из вышеназванных исследователей практически не затронул проблемы использования подневольного труда при освоении нефтяных месторождений Сахалина в первые послевоенные годы. Вплотную к решению данной проблемы подошла М. А. Кузьмина, посвятившая целый ряд исследований использованию принудительного труда на так называемых «великих стройках сталинских пятилеток» на Нижнем Амуре [34, 35, 36]. Именно она показала, как в ходе реализации нефтяных проектов на Сахалине впервые после отмены Сахалинской каторги (хорошо известной благодаря книге А. П. Чехова «Остров Сахалин») начиналось массовое применение труда заключенных. Исследование данной темы продолжила Л. В. Драгунова [37], расширившая круг участников «спецконтингента». Ее работы посвящены использованию труда японских военнопленных в экономике острова, включая добычу и транспортировку нефти. Однако в целом проблема использования принудительного труда в нефтяной промышленности Сахалина еще ждет своего исследователя.

После окончания второй мировой войны подневольный труд начинает использоваться на Сахалине в гораздо больших масштабах, чем это имело место на Сахалинской каторге в последней трети XIX–начале XX вв. При этом на различных объектах работают не только советские подданные, но и японские военнопленные, которые двумя партиями в количестве 1900 человек в сентябре 1945 г. прибывают в Оху. Они стали основой контингента Охинского лагеря военнопленных № 22, сформированного в октябре [38]. В нем находились солдаты и офицеры японских воинских формирований, ранее расквартированных на Южном Сахалине. При этом часть военнопленных являлась постоянными жителями губернаторства Карафуто [39].

На 13 октября 1945 г. в Охинском лагере находилось 1985 военнопленных. В том числе 16 офицеров, 207 старшин и сержантов, 1762 рядовых [40]. Лагерь состоял из пяти отделений. Первое лагерное отделение на 500–510 человек находилось в самом городе. Второе – на 330 человек – в поселке Восточное Эхаби. Третье отделение располагалось на седьмом озере. В него отправляли организаторов побегов и японских офицеров, «вредно влияющих на солдат». Здесь был установлен 10-часовой рабочий день, к выполнению производственных норм предъявлялись более строгие требования [41]. В третьем отделении содержалось в среднем около 120 человек. Четвертое отделение с 540 военнопленными размещалось в поселке Эхаби, пятое – в поселке Бирюкан. В нем содержалось 425 человек [42].

К приему военнопленных лагерные отделения оказались не готовы. Жилые помещения оборудовать на зиму не успели. На месте Охинского лагерного отделения стоял полусгнивший барак. Территория зоны представляла со-

бой марь, и людям приходилось ходить по воде. В Восточном Эхаби лагерное отделение находилось в сгнивших землянках. Требовало капитального ремонта и здание поселка Эхаби [43].

О том, как жили и трудились в этом лагере пленные японские солдаты и офицеры, можно узнать благодаря недавно рассекреченным документам фонда «Управление лагеря военнопленных № 22» Государственного архива Сахалинской области.

Многие секретные приказы начальника Управления лагеря военнопленных № 22 за 1945 г. рисуют весьма мрачную картину жизни японских солдат и офицеров в советском плену: «Приказ по Управлению лагеря в[оенно]/п[ленных] № 22 НКВД СССР от 24 ноября 1945 г. № 048 «О результатах проверки 4 лаг[ерного] отд[еления]...».

«Врачебно-трудоустройственной комиссией 24.11.45 г. установлено, что вследствие преступной бездеятельности и бытового разложения руководства лаг[ерного] отделения № 4, нач[альник] отделения Соловьев и мл[адший] л[ейтенант] Рогоулько, и мед[ицинских] работников: фельдшер Максимова, военнопленные 100 % завшивлены, поголовно заражены чесоткой, доходящей до покрытия тела коростой, никакой санобработки и мытья в бане не производилось. Белье военнопленных не стирается, обмундирование грязное.

Военнопленные сутками не получают хлеб, пищу. Кладовщик серж[ант] Попов пьянствует.

...Прачечные, дезокамеры не оборудованы. Стирка белья не организована. Военнопленные белье стирают в одиночку, каждый для себя. 90 % военнопленных ходят в грязном не стираном белье.

В результате отсутствия профилактических мероприятий имеется один случай смертности в[оенно]/п[ленных]. На пищеблоках грязь... Имеются случаи истощения военнопленных. В казармах грязно. Жилые помещения не оборудованы.

Трудоиспользование в[оенно]/п[ленных] не налажено; в[оенно]/п[ленные] выходят на работу в 9 ч[асов]. И возвращаются с работы в 16.00 часов. Наряды не оформляются» [44].

«Приказ по управлению лагеря в[оенно]/п[ленных] 22 МВД от 18 ноября 1946 г. № 382 г. гор. Оха «О результатах проверки лаг[ерного] отд[еления] № 3».

«Личной проверкой установлено: в[оенно]/п[ленные] до сего времени не обмундированы по зимнему плану, ходят в кожаной обуви, несмотря на то, что приказ № 356 от 30 октября 1946 г. о переходе на зимнюю форму лично получил начальник лаг[ерного] отделения № 3. В результате чего имеют место 3 случая обморожения 1-й степени нижних конечностей. Несмотря на большой снежный покров, бураны и морозы, в[оенно]/п[ленные] ходят в кителях и шинелях, а шубы лежат на складе.

Помещений для приема пищи ни в тайге, ни на л[есо]/заводе не организовано. В[оенно]/п[ленные] пищу принимают в холодном виде, которую носят с собой в поясе.

Совершенно нет запаса топлива, помещения отапливаются недостаточно, нужная температура 18 градусов не поддерживается. В помещениях грязно, сушилки не оборудованы, баня для мытья в[оенно]/пл[ленных] не оборудована» [45].

Справедливости ради следует отметить, что в рассматриваемый период советские заключенные находились не в лучшем положении.

В соответствии с договорами, заключенными между администрацией Охинского лагеря с одной стороны, и трестами «Сахалиннефть» (объединением «Дальнефть»), «Дальнефтеразведка» и «Сахнефтестрой» с другой, японские военнопленные были должны работать на предприятиях названных организаций [46].

Рабочий день военнопленных продолжался от 8 до 10 часов [47].

Документы Государственного архива Сахалинской области показывают, на каких именно работах были задействованы японские военнопленные:

«Лаг[ерное] отделение № 1 – Оха – Списочная численность на 1 сентября [1947 г.] – 679 человек. Заняты на работах на новом гражданском строительстве, на ремонте дорог, на отгрузочно-разгрузочных работах, на рыбной ловле, в механической мастерской и на добыче нефти.

Лаг[ерное] отделение № 2 – Восточный Эхаби – Списочный состав на 1 сентября – 367 чел. Заняты на лесозаготовках, на гражданском строительстве, строительстве дорог, на расчистке площадок под буровые.

Лаг[ерное] отделение № 3 – Эхаби – Списочный состав на 1 сентября 1947 г. – 460 чел. Заняты на новом строительстве, на ремонте дорог, на расчистке площадок под буровые, на постройке вышек, на добыче нефти.

Лаг[ерное] отделение № 4 – Бирюкан – Списочный состав на 1 сентября – 403 чел. Заняты на лесозаготовках.

Прикомандировки лаг[ерные] отд[еления] (временные)

Порт Москальво – 84 чел. – на разгрузке кораблей.

Вторая бухта – 100 чел. – на рыбной ловле» [48].

В мае 1946 г. в лагере был сформирован дорожный батальон из 500 чел. для треста «Сахнефтестрой» [49].

Средства, заработанные военнопленными, покрывали не только расходы на их содержание, но и все прочие траты на деятельность Охинского лагеря. За время своего существования (1945–1949 гг.) лагерь не получал каких-либо дотаций от государства [50]. Мало того, на заработанные военнопленными средства трест «Сахнефтестрой» решал свои производственные проблемы, задолжав лагерь, по данным исследователя Л. В. Драгуновой, 300 тыс. руб. [51].

4 октября 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц». Однако с исполнением постановления власти не спешили, так как на Южном Сахалине и Курилах на них держалась вся экономика. Быстрая репатриация оставила бы предприятия без рабочей силы. Например, на Южно-Сахалинской железной дороге на момент ее передачи в МПС работало 586

японских военнослужащих. Японские железнодорожники составляли 95 % личного состава дороги в начале и 73 % в конце 1946 г. [52]. Аналогичная ситуация была и в других отраслях экономики. Уполномоченный по делам репатриации генерал Голиков признавал, что: «учитывая народно-хозяйственные интересы, закончить репатриацию всех японцев на протяжении 1948 г. не представлялось возможным. Хотя это и могло повлечь за собой нарушение существующего соглашения» [53]. В результате последние японские военнопленные, содержащиеся в Охинском лагере, были вывезены в порт Находка и репатрированы в Японию только в сентябре 1949 г. [54]. Однако нефтяная промышленность не осталась без невольников. Уже осенью 1948 г. японских военнопленных начинают заменять советскими заключенными.

10 августа 1948 г. Совет министров СССР принял секретное постановление «О мероприятиях по развитию добычи нефти на острове Сахалине». Данное постановление предусматривало значительный рост добычи нефти: к 1952 г. она должна была превысить уровень 1948 г. почти в 2,5 раза. Такой быстрый рост предполагалось обеспечить за счет значительного развития геологоразведочных работ на севере острова, транспортным строительством, улучшением материально-технического снабжения [55].

Для обеспечения части названных в постановлении мероприятий рабочей силой Министерству внутренних дел СССР было поручено организовать на севере острова исправительно-трудовой лагерь на восемь тысяч заключенных. В 1949 г. численность заключенных в этом лагере должна была вырасти до пятнадцати тысяч человек [56].

30 сентября 1948 г. Охинский лагерь военнопленных № 22 «со всем личным составом, контингентом военнопленных, со всеми материальными ценностями» был включен в состав вновь образованного Сахалинского исправительно-трудового лагеря МВД СССР [57]. Именно сюда в октябре-ноябре 1948 г. прибывают заключенные из лагерей Тюменской, Новосибирской, Омской, Кемеровской, Иркутской, Читинской и Сахалинской областей, Красноярского, Хабаровского и Приморского краев [58, 59]. Главной задачей, которая стояла перед заключенными Сахалинского лагеря, было строительство шоссейных и узкоколейных железных дорог, «которые должны связать развивающиеся нефтяные промысла и обеспечить доставку оборудования и материалов для промышленного и гражданского строительства, а также продовольствия и всего необходимого» для развития нефтяной промышленности Сахалина [60].

Не успел Сахалинский лагерь развернуть в полном объеме работы на крайнем севере острова, как советское руководство задумало новый крупный проект, основанный на труде заключенных. 2 апреля 1950 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о соединении Сахалина с материком с помощью железнодорожного туннеля через Татарский пролив. Кроме того, по предложению Сталина было решено организовать также и паромное сообщение между островом и материком.

Строительство железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Победино на Сахалине должно было закончиться в 1953 г. Окончательная же сдача туннеля в эксплуатацию была намечена на 1955 г. [61].

Работы по сооружению железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Победино на Сахалине были начаты в том же 1950 г. Для реализации решения о сооружении железной дороги были оперативно созданы три новые организации. Две из них входили в систему Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР. «Строительство № 506» вело работы на Сахалине, «Строительство № 507» – на материке. Особая организация («Строительство № 6») была создана в рамках Министерства путей сообщения СССР. Она занималась сооружением туннеля между Сахалином и материком.

С самого начала строительство велось в основном силами заключенных. Для этого вдоль будущей трассы создавались лагерные пункты. К началу 1951 г. на 327-километровом пространстве от Погиби до Победино функционировало десять лагпунктов, в которых были размещены 3758 заключенных. В течение всего года на остров одна за другой прибывали партии осужденных. Благодаря этому к концу 1951 г. число лагпунктов выросло до двадцати шести. В них находилось 12533 заключенных. В 1952 г. их число увеличилось до 12684 чел. (62).

Почти 60 % заключенных, занятых на строительстве № 506, были осуждены за мелкие хищения государственной и общественной собственности. Осужденных за политические преступления было немного: 9,3 % от общего количества заключенных проходило по статьям за «шпионаж» и «измену Родине», 3,5 % было осуждено за «контрреволюционную деятельность». Однако именно эта категория заключенных имела самые длительные сроки наказания. 11,3 % их числа были осуждены на сроки от 15 до 25 лет лишения свободы. Однако и за мелкие хищения наказывали весьма сурово. Относительно небольшой срок – до 3 лет – имело только 4 % осужденных. 12 % заключенных имели срок от 3 до 5 лет, 49,3 % – от 5 до 10 лет. 23,4 % отбывали наказание сроком от 10 до 15 лет [63].

При решении вопроса о направлении заключенных на «Строительство № 506» прежде всего учитывалось их физическое состояние. Поэтому на Сахалин в основном направляли молодых и здоровых осужденных. Так, 43,5 % заключенных, занятых на строительстве железной дороги, имели возраст от 18 до 25 лет, 33,5 % – от 25 до 35 лет [64].

К началу 1953 г. на всех расположенных на Сахалине объектах, входивших в систему ГУЛАГ, работали десятки тысяч заключенных. Никогда ранее остров не знал такой концентрации подневольной рабочей силы.

В 1949–1953 гг. силами заключенных была построена узкоколейная железная дорога Оха – Катангли протяженностью 248 км, которая соединила важнейшие нефтяные месторождения Сахалина. Силами заключенных Нижнеамурского лагеря было завершено строительство, и в 1952 г. был сдан в эксплуатацию нефтепровод Победино – Комсомольск-на-Амуре.

Однако в марте 1953 г. все внезапно остановилось. Смерть Сталина и последовавшая за ней амнистия привели к резкому сокращению числа заключенных в сахалинских лагерях, и уже весной все крупные строительные программы, основанные на труде заключенных, были свернуты.

Во второй раз в истории Сахалина подневольный вариант колонизации острова потерпел крах. На смену каторжной окончательно приходит свободная колонизация Сахалина.

Библиографические ссылки

1. Дидух Н. Н. Трудовая миграция в Дальневосточном регионе и связанные с ней социальные проблемы // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2008. – № 3 / Говорухин Г. Э., Ярулин И. Ф. Дальний Восток: История освоения и история утраты (социологический подход) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – № 1.
2. Аболтин В. Я. Остров сокровищ. Северный Сахалин. – Хабаровск; Владивосток, 1928.
3. Гедройц Н. А. История сахалинских нефтяных месторождений (К 50-летию сахалинской нефти) // Труды нефтяного геологоразведочного института. – Серия Б. – Выпуск 9. – М.; Л., 1932.
4. Панфилов И. Ф. Нефть Сахалина // Вопросы истории. – №8. – 1977.
5. Панфилов И. Ф. Сахалинские нефтепроходцы // Дальний Восток. – № 11. – 1977.
6. Панфилов И. Ф. Трудная нефть. – Южно-Сахалинск, 1976.
7. Косторниченко В. Н. Иностраный капитал в советской нефтяной промышленности. – Волгоград, 2000.
8. Косторниченко В. Н. Иностраный капитал в советской нефтяной промышленности, 1918–1932 гг. / Дисс. на соиск. ученой степени доктора экон. наук. – Волгоград, 2001.
9. Косторниченко В. Н. Концессионная политика советского руководства в нефтяной промышленности в 20–30-е гг. XX в. // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). – М., 2005.
10. Марьясова Н. В. Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. (Концессии и концессионная политика Советского государства). – Владивосток, 2000.
11. Марьясова Н. В. Концессионная политика советского государства на Дальнем Востоке России в 1920-е–1930-е гг. / Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. – Владивосток, 1992.
12. Жуков Ю. Н. Нефтяной фактор в политике советской правящей элиты (1921–1929 гг.) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). – М., 2005.
13. Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940-х гг. – М., 2005.
14. Иголкин А. А. Нефтяная промышленность России – СССР в 1917–1928 гг. / Дисс. на соиск. ученой степени доктора ист. наук. – М., 2000.
15. Иголкин А. А. Особенности развития нефтяной промышленности СССР в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). – М., 2005.

16. *Иголкин А. А.* Советская нефтяная промышленность в 1921–1928 гг. – М., 1999.
17. *Хромов С. С.* Иностраннные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы. – Ч. 1. – М., 2006.
18. *Ремизовский В. И.* Кита Карафуту Секию Кабусики Кайша: Страницы истории японской нефтяной концессии на Северном Сахалине, 1925–1944 гг. – Хабаровск, 2000.
19. *Ремизовский В. И.* Нефть Сахалина в судьбах: Сб. док. биографич. очерков. – Ч. 1–2. – Хабаровск, 2001–2002.
20. *Ремизовский В. И.* Петр Игнатьевич Полевой: Биографич. очерк // Краеведческий бюллетень. – № 4. – 1995.
21. *Ремизовский В. И.* Хроника сахалинской нефти. – Ч. 1. – Хабаровск, 1999.
22. *Ремизовский В. И., Кандиусова З. Р.* Хроника сахалинской нефти. – Ч. 2. – Хабаровск, 2004.
23. *Сорокина И. П.* Открытие сахалинской нефти. История одной семьи // Краеведческий бюллетень. – № 1. – 1993.
24. *Шалкус Г. А.* Из истории деятельности японской нефтяной концессии на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. – № 2. – 1998.
25. *Шалкус Г. А.* Исследование Северного Сахалина советскими геологами в 1925–1941 гг. // Краеведческий бюллетень. – № 2. – 2002.
26. *Шалкус Г. А.* История становления и развития нефтяной промышленности на Сахалине (1879–1945 гг.) / Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. – Владивосток, 2004.
27. *Шалкус Г. А.* У истоков сахалинской нефти // Краеведческий бюллетень. – № 4. – 2000.
28. *Шалкус Г. А.* Нефтепоисковые и нефтеразведочные работы на Северном Сахалине в годы Великой Отечественной войны // Краеведческий бюллетень. – № 1. – 2003.
29. *История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учеб. пособие / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко.* Отв. ред. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2008.
30. *Экономика Сахалина: Учеб. пособие.* – Южно-Сахалинск, 2003.
31. *Бацаев И. Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953 гг.). – Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002.
32. *Чернолуцкая Е. Н.* Участие спецконтингентов в хозяйственном освоении Дальнего Востока // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. науч. конф. по проблемам ист., археол. и краевед. – Уссурийск, 1992.
33. *Чернолуцкая Е. Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник ДВО РАН. – № 6. – 1995.
34. *Кузьмина М. А.* Использование принудительного труда заключенных на «великих сталинских стройках» в Нижнем Приамурье (1929–1955 гг.). / Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2004.
35. *Кузьмина М. А.* Стройка № 15 // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1997. – № 4.
36. *Кузьмина М. А.* Стройка № 15 // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998. – № 1–4.
37. *Драгунова Л.* На седьмом озере // Родина. № 9. – 2010.

38. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 36.
39. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 39.
40. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1.
41. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 39, 40.
42. *Драгунова Л.* На седьмом озере // *Родина*. – 2010. № 9.
43. *Там же*.
44. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 14.
45. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 148.
46. *ГИАСО*. Ф.200. Оп.1. Д.10. Л.5; Д.23. Л.36-40
47. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 19, 29.
48. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 40.
49. *Драгунова Л.* На седьмом озере // *Родина*. – 2010. – № 9.
50. *ГИАСО*. – Ф. 200. – Оп. 1. Д. 23. – Л. 36.
51. *Драгунова Л.* На седьмом озере // *Родина*. – 2010. – № 9.
52. *Костанов А. И.* Самая восточная дорога России. – М.: Транспорт, 1997.
53. *Карпов В.* Репатриация японского гражданского населения и военнопленных с территории Сахалина и Курильских островов после второй мировой войны. Интернет-ресурс: http://src-home.stav.hokuda.ac.jp/pdf_seminar/0408
54. *ГИАСО*. – Ф. 210. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 216–218.
55. *ГИАСО*. – Ф. 53. – Оп. 1сч. – Д. 10. – Л.92–133.
56. *Там же*.
57. *ГИАСО*. – Ф. 210. – Оп. 5. – Д. 1. – Л.1.
58. *ГИАСО*. – Ф. 53. – Оп. 1сч. – Д. 10. – Л. 118–120.
59. *ГИАСО*. – Ф. 210. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 57–58.
60. *ГИАСО*. – Ф. 210. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 57.
61. *Пашков А. М., Дударец Г. И.* Правда и домыслы о секретной стройке № 506 на о. Сахалин // Читая «Остров Сахалин...»: Докл. и сообщ. участников ист. краевед. конф.; Конф., посвящ. 100-летию путешествия А. П. Чехова на о-ве Сахалин. – 18–19 мая 1990 г. – Ю.-Сахалинск, 1990.
62. *Ващук А. С., Крушианова Л. А.* Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов СССР. 1945–1950 гг. // *Россия и АТР*. – Владивосток. – № 1. – 2005.
63. *История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учеб. пособие / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко.* Ответ. ред. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2008.
64. *Там же*.